

84(2=632.1)6
У435

БОРИС УКАЧИН

Стихи
ВЕТКА ГОРНОГО КЕДРА

ЧИТА И ЧИ ЗАЛ

БОРИС УЖАЧИН

С(АЛТ)
У-43

ВЕТКА ГОРНОГО КЕДРА

13990820
7
02805551
0

Горно-Алт. областная
БИБЛИОТЕКА.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1 9 6 6

С (Сиб.)
У43

*Перевод
с алтайского*

●

Я — горного кедра колючая ветка!
Расту. Зеленею. И с первого дня
Гроза надо мной пролетала нередко
И молнии косо метала в меня.

Я знаю: цветут по долинам березы.
Я знаю: шумят в городах тополя.
Там ветры потише, помягче морозы,
Там корни щедрее питает земля.

Но я вот привычней к суровой природе,
К неласковой почве, к высотной свободе,
Где вровень со мною орлицы парят.
Не мне, извините, расти в огороде,
Не мне, уступая погоде и моде,
Менять по сезону свой цвет и наряд!

Люблю на осеннем рассвете проснуться,
Услышав раскатистый выстрел ружья.
Люблю — пусть единожды в год! —
прикоснуться
К руке зверолова, шершавой, как я.

Когда же в долины устало и хмуро
Спускается сумрак — люблю до утра
Предания слушать под звуки топшура,
Дыша горьковатым дымком от костра...

Секло меня, било дождями и снегом,
Но я продолжаю — назло! — зеленеть.
Я — горного кедра, одетого небом,
Колючая, гордая, крепкая ветвь!

В расселины камня вцепившись корнями,
Упрямые соки по жилам гоня,
Зажег он меня, как зеленое пламя...
Из сердца однажды он создал меня!
Как ветер ни свищет, как вьюга ни злится —

Мне стойкости хватит на битву с судьбой.
Я с кем-нибудь даже смогу поделиться...
Мой друг неизвестный!
Быть может, с тобой?

НА ОСЕННЕМ РЫНКЕ

Я люблю осенние базары —
Рад по ним шататься хоть полдня!
Волны остывающего жара
Обдают
 со всех возов
 меня.

Вот лежат арбузы, полыхая
Вырезкой, —
 титаны, толстяки,
Будто на прилавок, отдыхая,
Положили головы быки.
Здесь, как в чаще, узкая дорожка,
И базар,
 как добрый лес, гудит.
Крупная,
 глазастая картошка
Из мешков на горожан глядит.

Вот старик,

лукаво дрогнув бровью,
В круг — на пробу — яблоко пустил:
— Ешьте, покупайте на здоровье,
Новый сорт, сам вывел, сам растил!

Но ловлю внезапно в общем гуле
Крик, летящий в сторону мою, —
Словно в спину кулаком толкнули:
— Подходите! Землю продаю!

Оглянулся.

Парень, сбитый плотно
(Что ни слово — по сердцу ножом),
Поясняет каждому охотно:
— Как же!

Настоящий чернозем!
Сам привез! Для комнатных растений! —
Говорит, угодливо юля.
...Я стою, взволнован и растерян:
В банках, в крынках —

вот она, земля.

Та, что мной любима, по которой
Сделал я когда-то первый шаг!..
И молчу, расплакаться готовый:
«Покупайте землю!» —

как же так?

Может, я насмешки чьей-то стою,
Может, лишним пафосом грешу.
Но тогда хотелось мне, не скрою,
Рот набить землю торгашу,

Чтобы вкус ее нелегкой соли
Научился парень понимать!
Подхожу — как будто из неволи,
Из недоли
 свою собственную мать

Выкупаю!

Не сказав ни слова,
Из кармана деньги достаю.
Мне рублей не жалко,
лишь бы снова
Не услышать:
— Землю продаю!..

НОЧЬ В ГОРАХ

Ночь. Алтай.
Луна — как сережка.
Четкий профиль горной гряды.
Можно трубку, привстав немножко,
Раскурить от любой звезды.

Тишина...
Но скажу одно я:
Кто нелепость придумал ту,
Будто можно, мол, тишиною
Звать
Лишь мертвую немоту?

Будь слова бездушные эти
В самом деле всегда верны,
Никогда ни за что на свете
Не любили б мы тишины...

Встаньте рядом, дайте мне руки,
Я рассказывать вам начну:
Различимей дальние звуки,

Как сквозь линзу,
Сквозь тишину.

Вот марал протрубил на склоне,
Кедр под ветром запел струной.
Вот
На пастбище где-то
Кони
Бьют копытами в шар земной.

Тишина.
Колыханье веток...
И костры зажглись на земле,
И сквозь ветки мне виден свет их —
Весть о дальнем
Живом тепле.

...Если будете в нашем крае
И костер вам блеснет сквозь тьму —
Время попусту не теряя,
Поспешите в гости к нему!

Чашка будет.
И трубка будет.
Просто, искренне встретят вас
Чабаны — достойные люди. —
Как встречают меня сейчас.
Не спеша разговор наш длится —
Будем вместе встречать зарю.

Про ученье,
Про жизнь в столице
Я в подробностях говорю.

И невольно припоминаю,
Как была мне и там нужна
Эта чуткая и земная,
Эта горная тишина.

Здесь — мой край.
И ничуть не чудо,
Что в рассветной, плывущей мгле
Мне слышней бывает отсюда
Поступь Времени на Земле.

СЛЕПОЙ ПОЭТ

Запрокинув лицо, без пальто, налегке,
По бульвару столичному тихо и строго
Он проходит —

и черная палка в руке,
Как фонарик,
ему освещает дорогу.

Мы глядим ему вслед.

Мы глядим и — молчим.

Так с рожденья

без света

живет он на свете.

Не видал он родных материнских морщин,
Солнца, неба

И собственных строчек в газете.

Но стремительной жизни зовут голоса —

И на них откликается сердце.

И резче

Прорезаются

в кончиках пальцев

глаза,

И становятся видимы люди и вещи.

Видят клейкий листочек на ветке сосны,
Видят старого клена морщинистый панцирь,
Видят нежную руку любимой жены
Эти чуткие пальцы, волшебные пальцы.

Кто придумал, что звезды ему не горят?
Он их чувствует кожей!

Без ноток фальшивых
Набежавшие ветры ему говорят
О цветах, магазинах, дорогах, машинах.

Он не станет слезу проливать над собой,
У него, человека, решительный норов:
Разругавшись однажды с неправой судьбой,
Больше с ней не желает иметь разговоров!

Черной тряпкой глаза повязав поутру,
Захотела смирить человека?

Не выйдет!
Зрячий сердцем, поэт не приемлет игру
В эти подлые жмурки!

Он хочет — и видит!

О, взгляните же в это лицо, наконец.
Осторожные люди, на чувство скупые:
Если видеть, как зрячий, умеет слепец —
Стыдно зрячим ходить по земле, как слепые.

●

Мой Алтай! Поклон тебе от сына!
Песней стань! Войди в мои стихи!
...Облака в небесной чистой сини
Бродят, словно овцы, по степи.

Я сегодня вижу как впервые:
Вдалеке долины пролегли,
Как морщины мудрости живые
На большом лице моей земли.

Задремали горы-великаны,
Лишь один, ко сну не отходя,
Уч-Сумер — водитель каравана —
Курит трубку синего тумана,
Значит, жди к полуночи дождя...

Мой Алтай, прекрасный, как сказанье!
Сколько тайн здесь ждет еще сейчас
Взгляда изыскателя, касанья
Рук рабочих, твердых, как алмаз!

Мой Алтай!

Я — сын твой. Потому-то
Зависти питать не стану я
Ни к Катунь светлой, ни к Аргуту —
Пусть бегут в далекие края!

Я брожу в родной тенистой чаще,
Я стихи читаю...

А у ног
Ясный-ясный, чистый и журчащий
Вьется безымянный ручеек.

Мне судьбы красивей и чудесней
Не придумать — сколько ни мечтай:
Быть, как он,

живой, прозрачной песней
Гор твоих, лесов твоих,

Алтай!

Горно-Алт. областная
БИБЛИОТЕКА.

●

Мой Алтай! Поклон тебе от сына!
Песней стань! Войди в мои стихи!
...Облака в небесной чистой сини
Бродят, словно овцы, по степи.

Я сегодня вижу как впервые:
Вдалеке долины пролегли,
Как морщины мудрости живые
На большом лице моей земли.

Задремали горы-великаны,
Лишь один, ко сну не отходя,
Уч-Сумер — водитель каравана —
Курит трубку синего тумана,
Значит, жди к полуночи дождя...

Мой Алтай, прекрасный, как сказанье!
Сколько тайн здесь ждет еще сейчас
Взгляда изыскателя, касанья
Рук рабочих, твердых, как алмаз!

Мой Алтай!

Я — сын твой. Потому-то
Зависти питать не стану я
Ни к Катунь светлой, ни к Аргуту —
Пусть бегут в далекие края!

Я брожу в родной тенистой чаще,
Я стихи читаю...

А у ног
Ясный-ясный, чистый и журчащий
Вьется безымянный ручеек.

Мне судьбы красивей и чудесней
Не придумать — сколько ни мечтай:
Быть, как он,

живой, прозрачной песней
Гор твоих, лесов твоих,

Алтай!

СЛЕЗЫ

Ты знаешь, что разные слезы бывают...

Бывает —

Они, как свинец, убивают,

Бывает —

Как дождь в раскаленные дни,

Надежду и жизнь

Возвращают они.

Ты видел, товарищ, как плачут мужчины?

Их слезы — тяжелые слезы.

Морщины

От них на щеках остаются навек,

Как русла бесплодные высохших рек.

Ты знаешь, что разные слезы бывают.

И разны они

На глаза наплывают:

Темны, как измена,

Светлы, как лучи,

Как смерть, холодны,

Как любовь, горячи.

Сумел бы немало про них рассказать я!
Нежней, чем объятье,
Черней, чем проклятье,
Бывают они.
И неясен ответ:
Как все-таки —
Верить слезам или нет?

Но, может, важнее всего для поэта:
Людей повидавши,
Объехав полсвета,
Под кровом, что памятен с детской поры,
В слезе материнской
Увидеть
Миры!

ГОЛУБОЙ ЦВЕТOK

Где же ты, мой голубой цветок,
Где же ты, бессмертие мое,
Корень счастья, поисков итог,
Пламени живого острие?

Я ищу не первый год подряд.
Где же лепестки твои горят?
Ты отводишь горе, говорят,
Юность возвращаешь, говорят!

Не цветешь ты в комнатном тепле.
Не даешься в руки за рубли.
Сколько смелых на пути к тебе
Снежные лавины погребли!

И поныне этот путь не прост.
Торопясь к тебе, моя мечта,
Я спугнул немало тихих звезд,
Мирно спавших на краю хребта.

К тем вершинам, где живут орлы,
Вновь спешу я нынче за тобой.

Где, в какой расселине скалы
Ты расцвел, цветок мой голубой?

Может, с наковальни кузнеца
Ты дымком поднимешься к звезде?
Может быть, взойдешь, томя сердца,
В этой строчке, словно в борозде?

Корень счастья, поисков итог,
Пламени живого острие —
Отзовись, мой голубой цветок,
Отзовись, призвание мое!

У Т Р О

Звезды в небе надо мной
Исчезают по одной..

Без предела, без границы
Рассветающий простор.
Солнце вскинуло ресницы
Золотые из-за гор.

И восходит величаво
По ступеням высоты...
— Здравствуй, Солнце! —

шепчут травы,
— Здравствуй! — клонятся
цветы.

Словно сын пришел
с чужбины,

Мать земля встречает сына:

— Здесь твой дом! Входи!
Всходи!

И глаза ее лучатся,
И роса, как слезы счастья,
Высыхает на груди...

●

Я на землю раз прилег весной.
Правотой своей извечной правы,
Вспарывая с треском пласт земной,
Словно сабли, поднимались травы,

Вкруг меня, вблизи и вдалеке,
Лезли, торопливы и упрямы,
Льнули, чуть шершавые, к щеке
И меж пальцев прорастали прямо!

И простые первые цветы,
В городах известные едва ли,
В неизбывной жажде высоты
Тоненькие тельца выпрямляли.

Верили светло и горячо,
Радостные стряхивая слезы,
И цвели — не знавшие еще
Ни дождя, ни ветра, ни мороза.

Мир лежал в сиреновом дыму,
И, сказать по правде, был несносен
Мне мой скучный жребий — одному
Знать за всех, что есть на свете осени!

СТИХИ О КОНЕ

Кони, кони алтайских, отеческих гор!
Я с младенческих дней вам товарищем был.
Побродив и поездив по свету,

с тех пор

Много видел я, кони,

но вас не забыл.

О игрушки мои — бабки диких косуль! *
В каждой косточке, помню,

я видел коня.

А позднее —

стремительней ветра и пуль

Неоседланный конь

нес мальчишку,

меня.

Там на каждой тропе —

ваш отчетливый след,

Там, на волны кося понимающий взгляд,

Утром кони из речек

пьют горный рассвет,

* Бабки диких косуль — любимые игрушки детей на Алтае. Обычно в играх они обозначают различных животных. (Примечание автора.)

Вечерами

из речек

пьют горный закат.

Мы беседуем с ними

на «вы», как с людьми,

Уважительный, добрый обычай храня...

Но забыть не могу я — читатель, пойми! —

Как недавно

я в городе встретил коня.

Запряженный с утра, в след машинных колес

Он ступал тяжело.

Он дышал тяжело.

И пустые бутылки он в ящиках вез —

Громыхало,

звенело и пело

стекло.

Я в глаза поглядел мимоходом —

и вдруг

Убедился: не видят, уснули глаза!

Что приснилось тебе,

добрый старый мой друг!

Может, утро в горах

и на травах — роса?

В такт кивая шагам, по асфальту бредешь,

Гул трамваев и запах бензина терпя...

О товарищ мой,

как на тебя я похож!

О, насколько же я

не похож на тебя!

Просто жил, пустого не болтая,
Просто был, считая труд за честь,
Чабаном, какие на Алтае —
Оглянись — в любом колхозе есть.
Просто жил, отцом и дедом звался,
Людам верил и за много дней
Сердцем

с ложью

никогда не знался,

Потому что не нуждался в ней.

Просто жил...

Неслышно мчались годы,

Множились морщины, и сейчас

Он лежит, прямой, длиннобородый,

С трубкой разлученный в первый раз.

Он с людьми сегодня расстается,

Не вздохнет и не поднимет век...

Но в сердцах, как прежде, остается

Он,

земляк мой,

вечный человек.

И внезапно блеснет золотым огоньком
в темнотище.

И тропинку положит к ногам. И, на диво
щедрa,

Крепкой дружбой мужскою тебя одарит
у костра!

Это жизнь — все она! — соблюдая закон
поколений,

У могилы отцовской поставит тебя на колени.

Знаю: трудно. И все ж заклинаю всей
силой любви:

Сын мой, мальчик, меня обязательно
переживи!

Пусть в потомках стократно разрез моих
глаз повторится!

Пусть бессмертная жизнь, как великое чудо,
творится!

А каким языкам тебя, мальчик, научит она!
Есть приятный и легкий язык Молодого Вина,
И земной, не стареющий, вечный язык

Молока,
И, конечно же, Хлеба — священнее нет
языка!

Обучайся, мой мальчик! Но помни, что
с давних веков

Посвист пуль — это тоже один из ее языков,
И еще не забыт он, язык тот недобрый.

Доныне

Часто. Жизнь пахнет Смертью не только
в безводной пустыне.
Видишь — стелется дым от пожаров по черной
земле,
Язычки синеватого пламени пляшут в золе.
Жизнь, бывает, обманет и ложью твой
путь затуманит.
Но и правдой жестокой не меньше
по-своему ранит.
Чтоб тебя никакая беда одолеть не смогла,
Нужно жить человеком,
добро отделяя от зла.
Это трудное дело. Не всем по плечу
и по росту.
Но ведь я говорил же, что быть Человеком —
не просто.
На прекрасной земле
в наш нелегкий, ответственный век
Важно быть человеком.
Будь счастлив, мой сын, Человек!

На тебя загляделся Алтай,
Ты на диво светла и юна.
Ты — как горный цветок танталай,
Ты — как птица тайги агуна.

Вдоль таежных грохочущих рек
Ты проходишь в одежде простой,
И лицо, словно выпавший снег,
Дышит нежностью и чистотой.

Ты выводишь отару в луга,
А когда, золотые, с каймой,
Запылают огнем облака —
Возвращаешься с нею домой.

Где-то полночь ступает, темна,
По следам отшумевшего дня.
Ты не слышишь ее. Ты одна
Тихо с книгой сидишь у огня.

Ах, как хочется все повидать,
Побывать далеко-далеко!
Но больна твоя старая мать,
И прожить ей одной нелегко.

Пробудилась тайга. Облака,
Розовея, проходят над ней.
Начинается день, как река,
Что летит, грохоча, меж камней.

Ты еще не проснулась?.. Вставай! —
Плещет в берег, волнуясь, волна.
Ты — как горный цветок танталай,
Ты — как птица тайги агуна.

КАДЫН-БАЖИ*

Кадын-Бажи, Кадын-Бажи,
Ты выше всех вершин Алтая.
Зовут нас, гранями блистая,
Твои седые рубежи.

Туда, к высотам, труден путь!
Недаром на твоём отроге,
С утра взойдя, на полдороге
Садится солнце отдохнуть.

Кадын-Бажи, весна пришла
В долины отческого края,
А ты стоишь, белым-бела,
Весне земной не доверяя.

Но чем гордишься ты? Смотри
Почаще в небо голубое:
Высоко в небе над тобою
Летают сверстники мои!

* Кадын-Бажи — гора Белуха,
главная вершина Алтая.

И звездам явственно слышны
Моторов яростные гимны.
Но мы по-прежнему земны,
Как встарь, щедры, гостеприимны.

Мы сберегли тепло души!
И, значит, холодом гордиться
В двадцатом веке не годится,
Кадын-Бажи, Кадын-Бажи!

ВЕСЕННИЙ СНЕГ

Снег весной! Прогнозам вопреки,
Мокрый, он к асфальтам припечатан...
Под окном идет игра в снежки.
Весело ребятам и девочкам!

Только мне уж третий день, считай,
Не до их веселой перебранки:
Снова мне привиделся Алтай,
Пастухов далекие стоянки.

Я-то знаю, как в такие дни
Пастухам тревожно! Как все чаще
Взгляд отводят в сторону они
От скотины, горестно мычащей.

Им опять, откашлявшись, вставать
И на склонах, вровень с облаками,
Травы из-под снега доставать
Красными от холода руками.

Неужели там и в этот год
Смотрит небо словно исподлобья
И лютует ветер и несет
Мокрые бесформенные хлопья?

Мне обидно: я гляжу в окно —
Под бесцветным кровом небосвода
Фабрикам кирпичным все равно,
Какова на улице погода!

Пусть меня поймет рабочий класс!
Не скажу о городе худого,
Просто-напросто во мне сейчас
Сын пастуший вдруг проснулся снова.

Мчись, душа, ветрам наперерез,
К нашим рекам, быстрым и холодным,
В те края, где люди снег и лес
Знают не по шишкинским полотнам!

Если снег идет в родных горах —
То и мне безрадостно и зябко...
Эх, сейчас буренке бы в руках
Протянуть душистую охапку!

И плевать на чьи-то там смешки!
...Над землей, домами, гаражами
Снег летит и падает. В снежки
Под окном играют горожане.

Осень.

Пусто в горах.

У бегущей воды —

Хоть еще не застыла —

стада не теснятся.

Их прощальные,

вмерзшие в землю

следы

Под покровом снегов

до весны сохраняются.

Старый кедр недовольно шумит на ветру.

Все березки стоят беззащитны и голы.

Смотрит в юрту бродячий туман поутру —

Ни души.

И скучают, как женщины, горы.

Словно вдовы, стоят неподвижно-тихи,

А кругом, по долинам — ни слова, ни

смеха.

— Эге-гей! — я кричу. — Где ж вы все,
пастухи?!

— Эге-гей!

Эге-гей!.. —

откликается эхо.

ХАРАКТЕРЫ

(Рассказ в стихах)

Амыргушев Амыр —
Знаменитый охотник Алтая:
В рощах, в чащах, в ущельях
Он дома всегда и везде,
И осенние ветры,
По каменным склонам летая,
Любят греться порой
У Амыра в густой бороде.

Нет, наверно, сегодня
В горах, под луною рябою
Ручейка, из которого
Он не испил бы воды.
Волк, лиса и медведь
Меж следами других зверобоев,
В землю тычась носами,
Его
Отличают
Следы.

И пока вот сейчас
На ладонь он сыпает махорку
И табачные крошки
Желтеют у ног на снегу —
В зоопарках Москвы,
Ленинграда
И даже Нью-Йорка
Им плененные звери
Грустят,
Вспоминая тайгу.

Вот над барсовым следом
Он встал, головою качая:
«Барс хитер — я хитрее!
Не раз еще силы сравним!
Ишь ведь — в тыл подбирается...»
Так и живут, не скучая,
И охотятся так:
Он — за барсами,
Барсы — за ним.

Раз идет Амыргушев
Охотничьей тропкой в тумане.
Чистый холод рассвета
Лицо человеку омыл.
Видит: барсова лапа
Торчит одиноко в капкане...
«Сам себе перегрыз!
Вот характер!» — дивится Амыр.

И опять тишину,
Словно белую книгу, читай...
Вот какие, представьте-ка,
Люди у нас на Алтае!
Вот какие, представьте-ка,
Звери у нас на Алтае!
Вот чем славен Алтай.
Приезжайте ко мне на Алтай!

●

Не сомневаюсь: если
Взглянуть со стороны,
Земля моя прекрасна
В цветном шелку весны.
Недаром, как мальчишки,
Светлы и горячи,
К ней взапуски несутся
Апрельские лучи.

Не сомневаюсь: если
Взглянуть со стороны,
Земля моя сияет
Куда светлей луны.
Не зря к ней ночью звезды,
Покинув высоту,
Слетают — и от счастья
Сгорают на лету.

Не зря, лишь только дождик
Пройдется по земле —
От имени вселенной

И солнца в том числе,
Уткнувшись в грудь земную.
Где травы и дома,
Ее целует радуга —
Красавица сама!

А для меня планета
Прекраснее вдвойне:
Ведь я живу не где-то,
Живу не в стороне,
Она при мне, со мною,
И в сердце и в горсти...

Ах, до чего же славно
Мне по земле идти!

ЧЕРЕМУХИ

Дождь отшумел.

И над Амуром

хмурым

Открылся

неба солнечный клочок.

Черемухи прозрели над Амуром:

Ведь в каждой капле —

солнце как зрачок!

Застенчивые дочери природы,

Вы так светло,

так нежно расцвели!

Ваш тихий шум

поймут без перевода

Влюбленные

со всех концов земли.

И я люблю.

Брожу и вспоминаю

О той,
 что ждет
 в далеком далеке,
И шорох ваш,
 как шепот,
 понимаю,
Алтаец —
 на алтайском языке...

Матери моей

Раз проснулся я: луна
У дверей — такая робкая!
Показалась мне она
Нашей белою коровкою.

Точно так она ждала —
Без мычания, без жалобы,
Чтобы ты к ней подошла,
Подоила, приласкала бы.

...Ночь синела, глубока.
Мне приснился голос матери
И парного молока
Кружка полная — на скатерти.

Дремлет мир под звездами большими,
Только я не сплю да ты со мной.
Тихо-тихо.

«Горные вершины, —
Вспоминаю, —
спят во тьме ночной...»

Чуть курятся

синие отроги,
Птица на ветвях не засвистит,
И прямой,

по-лермонтовски строгий,
Сквозь туман кремнистый путь блестит.
Где-то дети дремлют, разметавшись, —
Пусть к вам сны хорошие придут!
Где-то степи дремлют,
размечтавшись

О хлебах,
которые взойдут.

Тишина,
свернувшись,
спит в бутонах,

И миры полночные горят.

Тихо-тихо.

Лишь сердца влюбленных,
Как звезда с звездою, говорят...

По долинам шла весна разведкой,
Весь светился купол голубой...
Под весенней, в крупных почках, веткой
Мы расстались, милая, с тобой.
Вновь весна долины покорила,
Так же ясен купол голубой.
Замкнут круг. Все в мире повторимо,
Но когда ж мы встретимся с тобой?

●

Лишь смежу от усталости взгляд —
Обступают алтайские горы.
— Как живешь ты? — они говорят.
— Помни, внук наш, — они говорят, —
Быть в хвосте — нет страшнее позора!

Лишь смежу от усталости взгляд —
И глаза твои чистые вижу.
— Как живешь ты? — они говорят.
— Бережешь ли, — они говорят, —
Счастье наше? Смотри, береги же!

На тебя и на горы гляжу,
И в ответ от волненья — ни слова...
А сегодня я все вам скажу,
Все, чем сердце полно, вам скажу —
Вы приснитесь, пожалуйста, снова!

Женщина расчесывала ночь,
Стоя перед зеркалом.

А мимо
Проходило солнце.
Ах, к любимой
Приласкаться и оно не прочь!

Сквозь окошко потянулось косо,
В пряди позапуталось густой...
И вплела

моя родная
в косу
Тонкий-тонкий лучик золотой.

ВРЕМЯ

Время — золото?

Нет,

Не поверю я в это!

Самородок, из недр
Кем-то поднятый к свету,
Жадность может украсть,
Спрятать в сейфе-колодце...
А над временем власть
Никому не дается!

Так врывайся в жилье,
Стань героем в поэме,
Время, время мое,
Настоящее Время!

Ты бурлишь, как поток
На крутых поворотах.
Не подбить твой итог
На бухгалтерских счетах.

Ты летишь, ты не ждешь —
Дни, недели, столетья...
Разве солнечный дождь
Кто улавливал сетью?

Но бывает и так:
Я спешу, а кому-то
Совершенный пустяк —
Зря потратить минуту.

Словно рюмку вина
Между делом наполнить,
Между делом до дна
Осушить — и не вспомнить.

Время — грош для иных,
Медных бляшек тусклее...
Я бы время у них
Отнимал, не жалея, —

Да не сгинет оно,
Как, бывало, у бая
В год голодный зерно
Загнивало в амбаре!

Я б его раздавал
Всем творцам настоящим!
Я б его раздавал
Занятым, работающим —

Для мечты, для труда,
Для стремления к свету.
Сколько новых тогда
Песен было бы спето,

Славных дел свершено,
Сора — кинуто в пламя,
Новых звезд зажжено
Над родными полями!

У Л Ы Б К А

(Маленькая поэма)

Случается:

ты ошибся —

и этому сам не рад.

Случается: ты ушибся —

и в этом сам виноват,

О твердый угол эпохи

жестоко

локоть обжег...

И вот, работу закончив,

друзья собрались в кружок.

Они тебя обсуждают,

как ты обсуждал других,

Они тебя осуждают,

как ты осуждал других,

Они на тебя взирают,

безгрешны, светлы, чисты,

Они похожи на солнце

в сиянии правоты,

Они безупречно правы —

ты с этим согласен сам,

Они похожи на солнце —
и больно смотреть глазам!
И если ты свой характер,
гордясь, железным считал —
Он плавиться начинает,
упрямый этот металл.
Он плавиться начинает
на жарком огне таком:
Со лба тяжелая капля
падает
на протокол!

И сразу, словно преданья
давно отошедших лет,
Все доводы, оправданья
растают — пропал и след.
Ты попросту беззащитен,
ты сник, побледнел и стих,
Ты — словно в горах ягненок,
отбившийся от своих!
Стоишь на скрещеньи взглядов. —
и каждый, как штык, суров.
...Ты пишешь стихи ночами.
Ты знаешь тысячи слов,
А нынче из всех запасов
осталась тебе одна
Не слишком складная фраза:
«Простите, моя вина...»

Стемнело.

Звезды над городом
горят, смеясь и дразня.

Подписаны протоколы.

Ушли по домам друзья.

И говор их оживленный

вдали, отзвенев, умолк.

Они бесконечно правы.

Они исполнили долг.

В добре и зле досконально

и честно разобрались

И всяческим частным, личным чувствам

не поддались...

Куда же теперь?

Скорее

домой, где печка тепла,

Туда, где четыре глаза,

четыре своих угла.

Ты в дверь стучишь — и за дверью

слышится тишина,

Безмолвная, на пороге

тебя встречает жена.

Чем этакое молчанье,

уж лучше была б гроза!

Молчат, будто слиплись, губы.

Жестоко молчат глаза.

Молчат, обескрылев, плечи.

Молчит и молчит жена,

Как будто воздвиглась в воздухе

Невидимая стена.
Куда же сердцу приткнуться?
Где обрести причал?
И вдруг в колыбельке
лепет
ребяческий зазвучал.
Проснулся твой сын!
Улыбкой
во всю ширину лица
Встречает он, несмышлениш,
тебя, своего отца.
Он тянется из пеленок,
словно цветок из трав,
К тебе —
и знать не желает,
виновен ты или прав,
Спокоен или взволнован,
силен или сломлен ты...
Он рвется к тебе,
он полон
доверья и теплоты!
...И голову над кроватью
усталую преклоня,
Я чувствую наконец-то,
что жизнь прощает меня,
Что можно начать сначала,
новую взяв тетрадь,
Раздумывать, ошибаться,
искать, находить, терять —

И вновь приходить к истоку!

Спасибо тебе, сынок!

Ты вряд ли понять сумеешь,

как здорово мне помог.

Ты чмокаешь, засыпая,

беззубым и нежным ртом...

Сегодня не понимаешь —

неважно, поймешь потом!

КТО Я ТАКОЙ?

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгус, и друг степей калмык...

А. С. Пушкин

Кто я такой?
Я сам хотел бы знать.
Во мне не слишком
Много голубого —
Нет, я не степь,
Чтоб каждого обнять,
Но и не пуля,
Чтоб свалить любого...

* * *

Как песчинка в космосе,
Так и я в Москве!
Нашему знакомству
Всего минуты две.
На улицах московских
Лежит мороза проседь.

Шагаю я с улыбкой
В толпе людской.
Жду: кто-то остановит.
Жду: подойдет и спросит:
Зачем я,
И откуда,
И кто же я такой?
От этого мне жарко
И сердце встрече радо.
На Пушкинскую площадь,
Туда,
К нему скорей!..
Вовсю сияют окна,
Хотя довольно рано,
Приветливо мигают
Ресницы фонарей,
И фары,
Фары,
Фары,
И зимние бульвары,
Стремительные улицы
Как русла наших рек,
Куда, не зная броду,
И лезть не стоит в воду,
Невольно растеряется
Приезжий человек...

В толпе я как песчинка,
Попробуй поищи-ка!

Гляжу —
Навстречу стайка
Молоденьких девчат.
Идут они, красули,
Как горные косули,
По мерзлому асфальту
Копытцами стучат.
И сразу мне все ясно:
К вечернему сеансу
Спешат они в кино.
А мне немного грустно,
Я пальцы сжал до хруста:
Кто я такой,
Откуда —
Не все ли им равно!..

* * *

По велению сердца,
Как будто по компасу,
Я иду по Тверскому,
Иду к нему.
И хотя я Москве —
Как песчинка
 космосу,
Александр Сергеич,
Дайте вас обниму!
Я не зря о вас думал,
К Москве подлетая,

Если встречи с вами,
Как с юностью, ждешь.
И просили вам кланяться
Кедры Алтая,
Вам поклон посылала
Алтайская рожь.
Вы и в нашем селе
Не чужой человек.
Вот приедете —
Будет черемуха цвести,
Вам у нас не придется
Искать ночлег,
Вас принять —
В каждом доме
Сочтут за честь.
Да ведь вы бывали
У нас в селе!
В нашей школе
Читали стихи не раз.
Там ваш бюст
В учительской,
На столе,
И портрет на стене —
Как войдете в класс...

Но упорно молчит
Александр Сергеич.
Может, он озяб
На таком ветру?

Если он озяб —
Чем его согреешь?
И не слишком ли много
На себя я беру?
Что-то кажется мне,
Он сегодня печален.
Кто ответит, какая
Гнетет его грусть?
Снег лежит, как песок,
У него за плечами.
Голова у него
Склонилась на грудь.
Может, неба
Грозное содроганье
Уловил его слух
Во вьетнамском краю?
Или видит он,
Как в бою с врагами
Пал солдат
За родимую
Землю свою?
Где-то ухают пушки,
Строчат пулеметы,
Где-то рвутся мины
И рушится кров,
А холеные пальцы
Считают банкноты,
На которых вьетнамские
Слезы и кровь.

Тем будет плохо.
Пусть снега, и торосы,
И пусть пурга —
Курс по солнцу,
По звездам
Держит эпоха.
Май пришел на кубинские
берега!..

С этой площади
Вижу я всю планету,
А вокруг бесконечный
Прибой людской.
Я пришел сюда
На поклон к поэту
И хочу сказать ему,
Кто я такой.
Я взберусь на гранит
И снег с него сдуну,
Обмахну шапкой ноги
Без громких фраз...

Александр Сергеевич
Думает думу.
Тише, люди!
Он думает думу
о нас...

* * *

Дело было
В месяце чаган *,
То ли вьюга,
То ли волки выли.
И родился некий
Мальчуган
В закопченном
Дедовском аиле **.
Пела мать,
Качая колыбель.
Чтоб прогнать
Напасти и болезни.
А снаружи,
Как цепной кобель,
Злился ветер,
Подвывая песне.
Трудно шел Октябрь
В мои края,
И висела жизнь моя
Над бездной.
Были хуже
Всякого зверья
Темнота народная
и бедность
Не было для нас

* Ч а г а н — янтарь.

** А и л — жилье наподобие юрты.

Врагов лютей —
С дня рожденья.
Если не могила,
Значит темнота
Ждала людей,
Слепота им
Полная грозила.
Нищая
Окраина Руси,
Что звалась
Барсучьей
В эти поры!
Ты не удивляйся.
Ты спроси:
Почему угрюмы
Наши горы?
Горы затаили
Гнев и боль,
Что веками
Здесь не иссякали.
Горы мои, горы,
А давно ль
Вы не снегом —
Кровью истекали?
Нищета и голь.
И всюду страх.
Что за жизни!
Ни праздников.
Ни буден.

Выли волки
По ночам в горах,
И лупила ночь
В шаманский бубен.
Часто мне
Рассказывала мать,
Часто бредила
Свои раны —
Как начнут, бывало,
Лютовать
Байские прислужники,
зайсаны!

Не дают ни жить,
Ни умереть,
На любом шагу
Грозят расправой.
Непокорных
Ожидала плеть,
Суд у бая
Скорый и неправый.
Всех подряд —
И женщин и мужчин —
Волочили за косы *
К допросу.
Дед мой возмущался,
Что молчим, —

* В то время мужчины
на Алтае носили косу.

Он себе ножом
Отрезал косу...
И не грянь Октябрь
Средь этой тьмы,
Может быть, и мы
И наши дети
Гнулись бы
Под байскими
плетьми,
Как веками гнулись
Наши деды.
Я бы человеком
Стать не мог.
Кажется, давно,
А ведь недавно
Земляки мои
Валились с ног
От болезней
И недоедания.
А за их спиной
Жирела знать,
Со стола объедки
Им бросала...
Понимаешь,
Чем я мог бы стать?
Что меня в те поры
ожидало?..

* * *

Что бы стало со мной
И с моим поколеньем,
Не случись человека
По имени Ленин?
Он нас поднял с колен.
Он нам выпрямил спину.
Кю теперь нас посмеет
Взнуздать, как скотину?
Это Ленин открыл нам
На правду глаза.
Что видали так много
Неправды и зла.
Это он подарил нам,
Одев и обув,
Много-много жар-птиц,
А не просто букв!
Мы судур —
Книгу мудрости
Жадно открыли.
Мы, что были когда-то
Темны и бескрылы, —
Нам казалось, любой
Перевал легче взять,
Чем писать научиться
И книжки читать.
Пусть на первых порах
Дело двигалось туго.
Но смогли мы

Почувствовать
Локоть друг друга.
И пришел тут конец
Всяким духам и бесам.
И шаманам пришлось
Примириться с ликбезом.
Пусть не стала еще
Наша Родина раем,
Путь, который прошли мы, —
Он звездному равен.
Путь наш равен пути
От Земли до Луны.
Пред глазами не стало
Былой пелены...

И теперь по Москве
Я иду в ногу с веком.
Это Ленин мечтал,
Чтоб я был
Человеком...

* * *

Детство,
где мое детство?
Блуждает оно
в кедраче,
И смотрит:
куда же он делся? —

С пастушьим
 кнутом на плече?
Вот скачет,
 схватившись за гриву,
И пятками
 лупит коня,
А вот за малиной
 к обрыву
С друзьями
 уводит меня.
Оно продолжалось
 недолго,
Беспечное
 детство мое.
Пропало, как в сене
 иголка.
Под снег полегло,
 как жнивье.
Оно не валялось
 в окопах,
В глаза не видало
 врагов,
В те дни
 мое детство
 на копнах
Тряслось,
 возвращаясь с лугов.
Я не был обузою
 маме,

А был ей
 подспорьем не раз,
Ходил я в ночное
 с друзьями,
Скотину колхозную пас.
А с голодом
 не было сладу
В те дни
 обороны Москвы!
И было немисливо
 стаду
Добыть из-под снега
 травы.
И все-таки
 мы умудрялись,
Делили с коровами
 жмых.
Хотя не на фронте
 мы дрались,
Но чудом
 остались в живых.
И я сокращал
 поневоле
Скупое
 коровье меню.
Одна, заскучавши
 без соли,
Сжевала
 рубаху мою...

В селе, что зажато
 горами,
Работали мы
 по-мужски.
А женщины все
 вечерами
Вязали фуфайки,
 носки,
Вязали перчатки
 для фронта...
И в каждый
 из тех вечеров
Коров загоняли
 в ворота,
Для фронта
 доили коров.
Хозяйство —
 в заплатах
 и дырах:
Какой ребятишки
 народ?
А всех настоящих
 батыров
Село проводило
 на фронт.
Вернулось домой
 только десять,
Уже не батыров —
 калек.

Я целою памятью
детской
Запомнил их лица
навек.
И каждый, наверно,
припомнит,
Что вынесли мы
в той войне,
Когда завывает
приемник
На заокеанской
волне...

* * *

Не у Христа
за пазухой
И юность моя живет.
Жизнь не была мне
пасекой,
Где мед и один лишь
мед.
Много хлебнул я горечи,
Многим я был не мил —
Ни перед кем не угодничал,
Голову не клонил.
Было свежо и ветрено,
Пасмурно, неуверенно,
Если сказать по правде —

Трудно было не раз!
Но вы от меня не требуйте
Умеренности и трезвости,
Хоть своему характеру
Порою и сам не рад.
Впрочем,
Не верьте внешности,
Не расплескал я нежности,
Я ведь еще не стар!
Над родником я свешусь:
Как сохранить мне

свежесть —

Горных аржанов * дар?
Я рисковал разбиться,
В скалах ответ искал:
Как бы и мне добиться
Твердости наших скал?
Один бы пробел восполнить —
Вырос я без отца,
И как ни стараюсь вспомнить,
Не помню его лица...

* * *

Мой отец на коне
Восседал, как бог.
Он был первый табунщик
В нашем селе.

* А р ж а н ы — источники
целебной воды.

Он любого коня
Заарканигь мог,
Про таких говорят:
«Родился в седле!»
По неделям он
Не слезал с седла.
По степи он носился,
Как ураган.
Сотню раз его пуля
Волка нашла.
И на землю не падал
Его аркан.
Баловал он меня
Или обижал —
Я не помню.
Ушел он —
И след простыл.
Был бы жив отец,
Я б его обожал,
Я бы все обиды
Ему простил.
Быть великими —
Это удел не всех.
И не всем дано
Умереть в бою.
Подкосил недуг его,
Как на грех,
И в постели
Окончил он

Жизнь свою.
Я был слишком мал,
Потеряв отца, —
Мне, наверно, не было
И двух лет.
Я никак не вспомню
Его лица.
А в аиле висел
Лишь один портрет.
Человек на портрете
Трубку курил.
Он курил и курил ее
Без конца.
Если мы ошибались --
Он нас корил
И хвалил за успехи
Вместо отца.
Ог добра и сейчас
На душе тепло.
Ну, а зло —
Что мы знали
Об этом зле?
И дымила трубка.
И время шло.
И поскрипывали
Сапоги в Кремле.
И скрипели годы,
Как санный обоз.
И порой от бескормницы

Падал скот.
И глаза у вдов
Не просохли от слез —
Хоть война и прошла,
Полон рот забот.
По ночам вместо радио
 лай собак,
Вместо лампочки —
В каждом окне
 луна...
Но, видать, эту весть
Торопили так,
Как торопят
Не всякого
 скакуна.
Я и сам испугался,
Примчавшись в село,
Мне казалось,
Что снова
Теряю отца,
Что не трубка погасла,
А солнце зашло
И туманом окутало
Наши сердца...

Мне и ныне
Не стыдно
За мой порыв,
Потому что

Совесгь моя чиста,
Потому что я знаю,
Что Ленин жив —
Ведь недаром
Так ожили
Наши места!
Беспробудно
Веками
Спала Кулунда,
Ей тогда и не снились
Эшелоны зерна
И вагоны скота,
Те, что в наши года
От нее получает
Родная страна...

* * *

Я табунщиком был,
Кочевал по Алтаю.
Вот я еду верхом
И ногами болтаю
Или песню пою...
Я охотником был
И бродил по Алтаю.
Вот иду я пешком
И ногами болтаю
Или песню пою...
Я геологом стал,

И теперь по Алтаю
То хожу я,
То еду,
А то и летаю —
И опять ту же песню
пою.

Эта песня без слов
Называется кай*,
И поет эту песню
Весь горный Алтай —
От вершин
И до речек,
Текущих по склонам,
Что объята весенним
Цветеньем зеленым.
Ничего нет дороже
Родимой земли!
Всем своим существом
Я привязан к ней.
Но куда б меня ноги
Ни привели —
Знаю я,
Что повсюду
Найду друзей...
Ты дала нам жизнь,
Счастье нам суля,

* К а й — горловое пение
без слов.

Разгони же тучи,
Туман развеи!
Мы как горы,
Как реки твои,
 земля. —

Плоть от плоти
И кровь от крови твоей.

Оттого нам видеть
Невмоготу,
Коль пытаются тебя
И казнят огнем,
Невозможно видеть
Твою наготу,
Видеть рваные раны
На теле твоём.
Потеряли разум
Твои палачи —
Дай им солнце,
Они и его сожрут.
Но ведь если погаснут
Его лучи —
Палачи и тогда
От могил не уйдут.
Если равными ты
Сотворила нас,
На богатых и бедных
Нас не деля,
То наказ твой

И доброго солнца
наказ,
Неужели не выполним
Мы, земля?
Неужели не схватим
За руки тех,
Кто готов
Расколоть тебя,
как орех?

Люди, люди!
Не сыпьте
На раны соль!
— Я всего только
Капля в море,
Но и в ней — ваш гнев.
Как и ваша боль,
Ваша радость
И ваше горе!

СОДЕРЖАНИЕ

I

Перевод И. Фонякова

«Я — горного кедра колючая ветка!..» . . .	5
На осеннем рынке	7
Ночь в горах	10
Слепой поэт	13
«Мой Алтай!..»	16
Слезы	18
Голубой цветок	20
Утро	22
«Я на землю раз прилег весной...» . . .	23
Стихи о коне	24
Старик	26
У колыбели сына	28
«На тебя загляделся Алтай...»	31
Кадын-Бажи	33
Весенний снег	35
«Осень. Пусто в горах...»	37
Характеры	38
«Не сомневаюсь...»	43
Черемухи	45
«Раз проснулся я: луна...»	47
«Дремлет мир под звездами большими...»	48
«По долинам шла весна разведкой...» . .	49
«Лишь смежу от усталости взгляд...» . .	50
«Женщина расчесывала ночь...»	51
Время	52

II

Улыбка (маленькая поэма)

Перевод И. Фонякова 57

Кто я такой?

Перевод Е. Елисеева 62

Укачин Борис
ВЕТКА ГОРНОГО КЕДРА.
Пер. с алтайского.
М., «Молодая гвардия», 1966.
88 с. С(Сиб.)

Редактор М. Беляев
Художник П. Валюс
Художественный редактор
Н. Печникова
Технический редактор
И. Егорова

A15072. Подп. к печ. 20/VII
1966 г. Бум. 60×90¹/₃₂.
Печ. л. 2,75(2,75) + 1 вкл.
Уч.-изд. л. 2,4. Тираж 10 000
экз. Заказ 850. Цена 13 коп.
Т. П. 1966 г., № 341.
Типография «Красное знамя»
изд-ва «Молодая гвардия»,
Москва, А-30, Сущевская, 21.

13 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ